

УДК 94 (470.5) "18/19" (045)

*Е.Ю. Казакова-Анкаримова***ОТ «ДЕРЕВНИ» К «ГОРОДУ»: УРБАНИЗАЦИЯ И УРБАНИЗМ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX века)**

В статье анализируются сущность и содержание начального процесса российской урбанизации и формирование урбанизма в период имперской индустриализации, выявляются особенности урбанизации на Урале и формирование урбанистического образа жизни в городах различного административного статуса и социально-экономического и социокультурного типа во второй половине XIX – начале XX в. Ключевым в исследовании является антропологически ориентированный подход. Применяемые в работе социологические концепции западных урбанистов преломляются в историческом исследовании с использованием соответствующих источников, что сообщает работе научную новизну. Речь идет о проблеме восприятия урбанизма самими современниками и отражению данной проблематики в их письменных свидетельствах. Показан процесс постепенной трансформации уральских «деревень» в «города», при котором даже самым прогрессивным городским поселениям Урала были свойственны сельские черты. В результате индустриализации и урбанизации, особенно в конце XIX – начале XX в., значительные изменения в культуре уральских городов обусловлены усилением социокультурной гетерогенности, возрастанием значения урбанистических признаков при симбиозе сельских и городских элементов, взаимодействием цивилизационных компонентов западного и восточного типов ввиду евразийского положения Уральского региона.

Ключевые слова: урбанизм, город, Урал, современники, культура, инновации, социальная организация.

Сущность и содержание процесса урбанизации в индустриальную эпоху сегодня исследуется на междисциплинарном уровне. Социологические и экономические концепции дополняются и верифицируются историческим подходом, поскольку урбанизация – это исторический процесс повышения роли городов в развитии общества. Процесс урбанизации в отдельных странах и в регионах внутри одной страны имеет свои особенности. Социолог Д. Харви полагает, что полный анализ этого процесса предполагает выявление основ формирования сознания в повседневной жизни [13. С. 79-94].

Последствия промышленной революции и образы нового капиталистического строя в России во второй половине XIX – начале XX в., стирающего постепенно следы патриархальности, изменяющего образ жизни городского населения, отчетливо наблюдали современники. Неоценимую помощь в углублении научных представлений об эволюции урбанистического образа жизни населения Урала дают источники личного происхождения и имеющие субъективную окраску исторические документы, выявленные в уральской периодической печати дореволюционного периода и передающие самый процесс трансформации городских поселений из «деревень» в настоящие «города» (с соответствующим *modus vivendi*). Еще Г. Зиммель писал, что сосредоточение экономических, социальных и профессиональных видов деятельности является отличительной чертой крупного города и порождает быстрый темп и неповторимый стиль жизни города, многообразие хозяйственной, профессиональной и общественной жизни [9].

Таким городом, где «жизнь видна», предстает в описании П. А. Кропоткина Екатеринбург в 1862 г.: «На улицах движение, народа встречается довольно. Здания есть очень милые, много каменных, улицы хорошие, по окраинам заводы, множество рук заняты ими, и много, кроме того, занято по домам гранильным делом» [4. С. 102]. П. А. Кропоткин подчеркивал, что в городе торговля шла хорошо, а жители не жаловались на скуку, напротив, говорили, что «живется весело», наконец, наличие в городе педагогического общества свидетельствовало о том, что «деятельность в нем не одна промышленная и торговая» [4. С. 107].

С. А. Кельцов, будучи сотрудником «Московских ведомостей», сопровождая в поездке по Уралу великих князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича и, освещая эту поездку в газете, критиковал губернскую Пермь: «Сходишь с главных трех улиц чуть-чуть в сторону и сразу из Пермь-губернского города попадаешь в Пермь-деревню и положительно задыхаешься в пыли, так как мостовыми покрыты в Перми только три улицы и полтора переулка; все остальные улицы и переулки находятся почти в первобытном состоянии» [4. С. 128].

Симбиоз городских и сельских черт проступает в описании губернского города Уфы Сергеем Яковлевичем Елпатьевским, данным революционером-семидесятником. Известный писатель, публи-

цист и мемуарист, он отбывал здесь в 1880-х гг. политическую ссылку. В его «Воспоминаниях за пятьдесят лет» (1929) в главе, посвященной культурной и общественной жизни Уфы, читаем: «Город был тогда, 40 лет назад, тихий, задумчивый, ласковый. Тянулись улицы, заросшие травой, и было видно поле, куда выходили они. А на улице домики одноэтажные, реже двухэтажные, с садами и садиками, где пышно росла сирень, жасмины, георгины, – низенькие домики с окнами, с запиравшимися на ночь ставнями с железными болтами. Посреди города разлеглась площадь – огромная, не в базарные дни пустынная, не мощеная, где, по преданию, утонул крестьянин с лошадыю и возом, рискувший ночью проехать через площадь. В площадь вливались почти все улицы, а кругом площади разместилась вся уфимская цивилизация, – тянулись длинные ряды, стояли большие дома, даже в три этажа, тут была и почта, и аптека, и палаты, и Дворянское собрание и “Гранд-отель” с номерами. Красовалась вывеска “Дамская портная”, а оббитый сеном обруч и без вывески говорил понятливым людям, что здесь постоялый двор. Город обтекала чудесная Белая с голубоватой прозрачной водой, самая радостная река, какую я видел в России, и с другой стороны текла, вливаясь в Белую, сумрачная Уфимка» [3].

Сказывалось периферийное положение Уральского региона. В восприятии очевидца Уфа 1880-х гг. выглядела провинциальной и отсталой: «Захолустным, стародавним, давно забытым центральной Россией веяло от города. Окружного суда не было, и старинные Палаты ведали правосудие, земство было молодое, открытое позже, чем в центральной России, только что начинало разбираться в местных делах и не успело еще создать земской атмосферы. Почта, в особенности зимой, приходила не часто и не всегда аккуратно: местной газеты не было, и новости московских газет теряли значительную часть своей новизны, пока доходили до Уфы. Увозил последний пароход труп актеров, игравшую по летам в городском саду, увозил последних запоздавших кумысников, навигация закрывалась на долгую зиму, и в городе становилось совсем тихо вплоть до первого радостного свистка с реки весной, когда город бежал встречать первый пароход» [3].

Приведём свидетельства современников о некоторых малых городах Уральского региона. Уездные города Пермской губернии (исключая, конечно, Екатеринбург), по мнению знатока Прикамья Д. Зеленина, «ничем не выдавались» и были «даже прямо плохи». Путешественник Д. Н. Пешков, проезжая в 1890 г. Оханск, записал в своих путевых заметках (дневнике), что «город скорее похож на деревню» [4. С. 228]. Ему вторил А. И. Фирсов, путешествуя по городам Прикамья уже спустя значительное время (в 1907–1908 гг.): «Этому жалкому городишку Пермской губернии, имеющему менее 2 тысяч жителей, более приличествовало бы быть селом, чем он вначале и был» [4. С. 262]. «Плохоньким городком» назвал А. И. Фирсов и Осу [4. С. 261]. Этнограф Д. Зеленин писал про Осу, что это был уездный город (с 1781 г.), в начале XX в. в нем насчитывалось 4,5 тыс. жителей, их главными занятиями было производство рогож, кулей и веревок, сплав леса и льна; торговля города была незначительной, годовой оборот городской пристани не превышал 0,5 млн. руб. Средние заведения в городе отсутствовали, имелись женская прогимназия, духовное училище и городское четырехклассное училище [2. С. 81–82]. Еще «более жалким, по сравнению с Осой» назвал очевидец другой уездный (с 1781 г.) город Пермской губернии – Оханск с населением менее 2,5 тыс. чел. Бросалась в глаза сельская составляющая жизнедеятельности этого поселения. Главным занятием жителей являлось земледелие. Другими занятиями населения являлись: судоходство, рыболовство, отчасти торговля хлебом и льном [2. С. 82]. «Плохоньким уездным городом», по мнению краеведа, был Соликамск с населением немногим более 4 тыс. чел. Кроме соляных промыслов горожане работали в коях. Нелестно отозвался Д. Зеленин и о Чердыни [2. С. 100].

Среди некоторых уездных городов Вятской губернии современники тоже называли те, которые скорее походили на сельские поселения. «Вотьяцкая столица», город Глазов, до открытия в 1871 г. вятского наместничества был простым селом, став уездным городом Вятской губернии, эволюционировал медленно. По свидетельству современников, Глазов в начале XIX в. оставался «маленьким, как иная деревушка», почти не изменился городок и в дальнейшем. Только с проведением железной дороги «быстро начал улучшаться», увеличились в пять раз торговые обороты (торговали хлебом, льном, куделей и кожами). В городе было всего семь улиц, одна церковь и женская гимназия [2. С. 114–115]. Малмыж, получив статус уездного города в 1780 г., остался скромным поселением. В начале XX в. в нем насчитывалось до 4 тыс. жителей, «на вид город» представлял собой «обыкновенное большое село» [2. С. 173].

Так современники отмечали на особенности российской урбанизации, в дальнейшем акцентированные исследователем В. П. Семеновым-Тянь-Шанским при анализе им «мнимых» (имеющих

официальный статус города, по сути же являющихся сельскими поселениями) и «истинных» (отличающихся «торгово-промышленной бойкостью») городов, что было обусловлено административным подходом к процессам градообразования в имперской России. Данные наблюдения получили теоретическое и конкретно-историческое осмысление в современной историографии [11], в том числе и на материалах Урала [10. С. 18-36]. Проводился, в частности, сравнительный анализ эволюции некоторых уездных городов с горнозаводскими поселениями Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в., последние, по некоторым показателям социально-экономического и демографического развития, могли опережать первых. Яркий пример подобного контраста – два поселения Верхотурского уезда – уездный город Верхотурье и заводское поселение Нижний Тагил: преимущественное занятие населения первого хлебопашеством контрастировало с бойкой промышленной деятельностью жителей второго; немногочисленность населения в первом (4 тыс.) проигрывала аналогичному показателю (свыше 25 тыс.) второго [5].

Л. Н. Мазур справедливо подчеркивает, что, помимо экономико-демографической стороны, урбанизация включает социальные смыслы, связанные с изменением образа жизни. Важное следствие урбанизации – формирование новой системы социокультурных отношений. В городской среде происходят технические, культурные и политические инновации, появляются новые стандарты условий жизни, труда, отдыха и поведения, соответствующих современному пониманию «городского образа жизни» и внедрения его в границах контактного пространства, которое постоянно расширяется. Город преобразует и сельскую среду [12. С. 21-22].

Теоретик урбанизации А. С. Ахиезер подчеркивает, что сущность урбанизации в историческом процессе можно понять «лишь при условии рассмотрения урбанизации прежде всего как процесса формирования, распространения городской культуры» [6. С. 24]. Особенно привлекательной для современников представлялась культура более крупных городов Уральского региона.

Так, С. Я. Елпатьевский пишет о тяге уфимцев к музыкальной культуре: «Из маленьких домиков плыла музыка в тихие улицы. Я дивился, когда в скромненькой квартире чиновника, приказчика, служащего, встречал рояль или пианино, скрипку, и узнавал, что дети людей, живущих на 50–60 руб. в месяц, берут систематически уроки музыки. Были кружки, где музыка являлась серьезным содержанием жизни. В один из таких кружков я попал вскоре по приезду и начал получать приглашения на квартеты, которые бы сделали честь и столице» [3].

Гетерогенность городской культуры подчеркивается в источниках личного происхождения. С. Я. Елпатьевский реконструирует культуру различных слоев уфимского общества: верхов и низов, средних городских слоев. Верхи уфимского общества, в свою очередь, резко разделялись на два слоя – на людей во фраках и мундирах и людей в поддевках. О первых автор воспоминаний пишет: «Фрачники были – чиновничество: начальники отдельных частей, советники разных палат, чиновники особых поручений. Видных чиновников из местных властей не было, большинство было связано с Петербургом, – или люди, начинавшие карьеру, или присланные доживать до пенсии. Это был замкнутый круг, с обособленными интересами, идеями, нравами, бытом, куда не допускались горожане-обыватели» [3]. Несколько особняком к тому же кругу примыкали поляки-чиновники.

Повествуя о жизни этого круга, современник отмечает, что она «была сколком с Петербурга»: «Не особенно были распространены семейные вечера, балы с танцами бывали только в Дворянском собрании, излюбленная форма приемов был раут [торжественный званый вечер. – Е. К.-А.]. Там и выговаривалось так: “на раут”. Мужчины во фраках, *chapeau claque* [шляпа-цилиндр. – Е. К.-А.] в руке, дамы в декольте дефилировали в шести-семи комнатах мизерабельного уфимского дома, обменивались любезностями, сообщали петербургские новости, наполовину известные. Изредка кто-нибудь из гостей садился за рояль, изредка чья-нибудь дочка пела романсы, устраивалось два-три карточных стола. Настоящих ужинов не было, – нарушилась бы архитектура “раута”, – ели *a la fourchette* [вилкой. – Е. К.-А.], и было особым шиком выставить бесчисленное количество всяких замысловатых бутербродов и холодных кушаний» [3].

О второй категории верхов очевидец писал: «И были поддевки. В поддевках ходила губернская и уездная земская управа, начиная с председателя губернской управы А. А. Дашкова, поддевки носили дворяне-помещики. В поддевках бывали друг у друга, в поддевках сидели на земских собраниях, в поддевках и являлись в клуб. Это не было ни славянофильством, ни упрощением, то была своего рода форма, мундир, либеральный костюм, отличавший земца, туземного человека от чиновника. К под-

девкам примыкали богатые башкиры-землевладельцы». «Была между фраками и поддевками, – писал С. Я. Елпатьевский, – если не вражда, то резкое отчуждение, взаимное полупрезрение» [3].

О социальных контрастах в губернском городе Перми в отзыве публициста В. Л. Дедлова-Кигна (1897) читаем: «Что же еще имеется в Перми? Конечно, присутственные места, учебные заведения, многочисленные улицы небольших и потемневших домиков мещан и мастеровых, да два, три “палаццо” богатых купцов... Такова Пермь, дверь в Сибирь. Купеческий палаццо, Лачуга простонародья и присутственное место. Внешний порядок, наука, искусство и даже религия, насаждаемая чиновничеством, наживающийся купец и жующая свою скудную жвачку масса населения» [2. С. 90].

Симбиоз европейского и азиатского, богатство и нищету увидел В. Л. Дедлов, побывав годом ранее (в 1896 г.) и в уездном городе Сарапуле: «Сарапул – первый из посещенных мною переходных европейско-азиатских городов. Узнаю в нем эти характерные признаки переходной полосы. Большое богатство – и, рядом, поразительная нищета. Маленькие дворцы купцов – и бесприютная, пьяная босая команда, бродящая по пристаням, прибрежным кабакам и спящая под заборами. Эти дворцы и богатые церкви утопают в невылазной грязи не мощеных улиц. По улицам можно только ездить, но не ходить, потому что тротуары представляют собою самые коварные западни» [2. С. 65].

В начале XX столетия уральские города заметно преобразились. Д. Зеленин увидел технический прогресс в развитии Перми: «Хотя и медленно, однако Пермь подвигается вперед. Построена железная дорога на Вятку и вместе с нею чудный мост через Каму. Мост этот высится около самой Перми и составляет, в сущности, главную достопримечательность города. Это какой-то узорчатый гигант (до 400 саж. длины), на который, кажется, глядел бы и не нагляделся» [2. С. 90]. О Перми начала XX в. Д. Зеленин писал, что город выглядел «совсем по-европейски». Бросались в глаза разбросанные по городу церкви, театр (где можно было услышать и оперу). В городе издавались газеты «Пермский край» и «Пермские губернские ведомости», развивалось краеведение (показательными были труды А. Дмитриева и «Труды Пермской Архивной Комиссии»). В городе действовал книжный магазин «Ольги Петровской», магазин пользовался популярностью у населения. Увеличилась численность учебных заведений, автор путеводителя перечислял: мужская и женская гимназия, реальное училище, духовная семинария, горнозаводское и техническое училища, торговая школа, женская прогимназия, мужское и женское духовные училища. В Перми имелись типичные для губернского города учреждения: «окружной суд, контрольная палата, контроль Пермской ж. д., управление Пермской ж. д., духовная консистория, отделение казанского общества путей сообщения, управление 21 местной бригады, управление государственными имуществами Пермской г., управление почтово-телеграфного округа, биржа» [2. С. 92]. Навестив губернский город Пермь, известный публицист В. А. Поссе тоже почувствовал в нем «залог великого культурного будущего» [4. С. 243].

К переписи 1897 г. в Перми уже насчитывалось до 46 тыс. чел., а спустя десятилетие – более 70 тыс. Современник утверждал: «На Урал теперь двинулся иностранец, а он шутить не любит, и Перми спать не придется». При этом уралец полагал, что иностранец расшевелит промышленность, обновит заводскую работу, а культурную работу возьмут на себя сами земляки. Пермь доказывал, что в начале XX в. в этом плане был уже солидный задел: «В нашем городском управлении сидят люди, которые никак не могут быть названы “прогрессистами”, и несмотря на это, у нас уже есть электрическое освещение, водопровод, телефоны, и скоро будет канализация, трамвай и пр. Этого мало. У нас есть научно-промышленный музей, из которого разовьется народный университет; у нас есть кустарно-промышленный банк, из которого разовьется могучий двигатель для всевозможных артелей, потребительных обществ и пр.; у нас уже теперь несколько кооперативов, и мы накануне создания уральского союза потребительных обществ» [4. С. 243-244].

Довольно объективно в своей книге «По Европе и России» писал В. А. Поссе о Екатеринбурге 1907 г. как о «городе очень оригинальном», перечисляя его культурные достижения, технические инновации и материальные «удобства» на фоне некоторых бросающихся в глаза недостатков: «...Уездный город и “столица Урала”. “Дистанция огромного размера” с казенными учреждениями, отстоящими друг от друга на целые версты; широкие улицы с красивыми зданиями, электрическое освещение, телефоны, театры, увеселительные сады, но нет не только трамвая, но и самой примитивной конки, нет и водопровода, а вместе с тем и поливки улиц, так что в летние дни не только бедняки пешеходы, но и богачи, разъезжающие на своих рысках, положительно купаются в пыли. Три большие прогрессивные газеты, несколько ученых обществ, библиотеки имени Белинского и Решетникова, и наряду с этим “всесословное пьянство”...» [8. С. 163].

Примечательно, что европейский город (европейский урбанизм) являлся лакмусовой бумажкой, точкой отсчета при оценке уровня жизни и цивилизованности российских городов. В. Л. Дедлов, глядя с «этой колокольни», пишет об уральских городах: «За Урал мы перевалили 30 апреля 1896 года по железной дороге из Перми на Екатеринбург и в Тюмень... Железная дорога огибает Екатеринбург, и город издали представляется европейским и оживленным городом. Колокольни, большие дома, сады. Этот последний город хотя бы издали походит на европейский» [14].

Иначе описывает В. Дедлов города Южного Урала, в частности, Оренбург: «Бесконечная, плоская как стол равнина. Всюду пески, там и сям солончаки, полынь, саксаул, караваны верблюдов, ветры, палящий зной летом и невыносимая стужа зимой. Таким представлялся мне Оренбург, с которым я был знаком только по биографии Тараса Шевченко, да по “Капитанской дочке” Пушкина. Самое название города звучало неприятно. Среди азиатской пустыни, и вдруг немецкий город Оренбург». Автору немного жутко на «пороге Азии». В. Дедлов дает подробное описание Оренбурга, сравнивая его с Дамаском. Признаки городской субкультуры он пытался отыскать и при знакомстве с другим степным городком – Троицком: «Сверху весь Троицк как на ладони со своими каменными одно- и двухэтажными домами, семью церквями и шестью мечетями. Из признаков культуры в полутатарском, полукупецком Троицке – только красивые, чистенькие купецкие дома-особняки. Газету так же трудно добыть, как ананас, даже бань нет, даже гостиниц, даже места для купанья» [14. С.188-193].

Критерий благоустроенности представлялся современникам важным параметром жизни уральских городов. Автор путеводителя «Кама и Вятка» называл Елабугу «одним из самых благоустроенных городов Вятской губернии». Город раньше губернской Вятки обзавелся электрическим освещением. «Водопровод, три средних учебных заведения (реальное училище, женская гимназия и женское епархиальное училище), прекрасно устроенная богадельня, богатейшие церкви – все это не так-то обычно в наших уездных городах», – писал автор путеводителя, Д. Зеленин, подчеркивая, что своей благоустроенностью Елабуга была во многом обязана частной инициативе предпринимателей Стасхеевых. На их средства были устроены электрическое освещение, водопровод, реальное и епархиальное училища, богадельня. Город славился своей «значительной» торговлей [2. С. 44-45].

«Одним из лучших городов на Каме» именовал Д. Зеленин город Сарапул. «С реки вид очень красив: правильные ряды каменных зданий, белые церкви, рассыпавшиеся по всему городу, масса садов. Рядом с городом возвышается громадная “Старцева гора”, на которой в самое последнее время (1900 г.) возник мужской Иоанно-Предтеченский монастырь» [2. С. 63-64].

О «сравнительной культурности» Сарапула писал этот знаток Прикамья, указывая на наличие в городе окружного суда, архиерейской (викарной) кафедры, удельной конторы, двух средних учебных заведений (реального училища и женской гимназии), двух воскресных частных школ, частной прогимназии А. Н. Пельца. В городе издавались: «Сарапульский листок объявлений», «телеграммы Российского Телеграфного Агентства». Здесь в 1835 г. открылась первая публичная библиотека в Вятской губернии. Многие улицы были вымощены, в 1899 г. открыта правительственная телефонная сеть. Город украсился «Пушкинским сквером». В городе насчитывалось до 10 тыс. жителей. Город отличался «довольно значительной торговлей», наличием богатых купцов, а еще «сапожным мастерством», вкусным «сарапульским хлебом». У сарапульских же торговцев турист мог приобрести «несколько почтовых бланков с видами г. Сарапула», по мнению Д. Зеленина «существование их лишний раз говорило о сравнительной культурности города» [2. С. 64-65].

Исследователю Прикамья показалось справедливым выделить также город Кунгур «в противоположность большей части других уездных городов Пермской губернии» – «очень оживленный, промышленный и благоустроенный город», куда «стоит съездить» [2. С. 95].

Кунгур имел свой особенный «запах»: в городе и в уезде было много заводов, особенно кожевенных, «от них город получил даже специфический запах кожи». К слову сказать, свой особенный запах имела и Пермь. Туристам бросался в глаза «вечный дым» над городом, ощущался запах гари в воздухе (благодаря соседству Мотовилихинского казенного пушечного завода) [2. С. 93]. О Кунгуре Д. Зеленин писал, что город отличался «значительной» торговлей, на протяжении года в нем проходили три «больших ярмарки». В 1877 г. на средства Губкина в городе открылось техническое училище. В 1903 г. здесь была учреждена викарная епископская кафедра [2. С. 96].

Духовные составляющие, степень религиозности оставались стержневыми особенностями национальной, в частности, городской культуры российского провинциального города в рассматриваемое время. Д. Зеленин в первую очередь подчеркивает, что город Слободской славился своей стари-

ной, в частности, памятником старины являлась деревянная церковь во имя Архангела Михаила (со старинной иконой Архистратига Михаила в иконостасе), построенная в 1614 г. преподобным Трифоном Вятским. Всего на 10 тыс. жителей в городе было 9 церквей и два «богатых монастыря» (женский и мужской). Заодно современник отмечал, что по своей фабричной деятельности Слободской «стоял значительно выше г. Вятки». Впрочем, жители Вятки тоже отличались своей религиозностью, очевидец повествовал об особом почитании ими чудотворной иконы Николая Чудотворца и иконы Архистратига Михаила в кафедральном соборе, а также образа Тихвинской Божией Матери. Церковной стариной была богата Чердынь, например, в Воскресенском соборе имелась очень древняя и чтимая икона св. Николая Чудотворца. Религиозностью отличался «скромный и патриархальный городок» Котельнич. Главным котельничским праздником в первое воскресенье после Петрова дня был праздник «Всех святых», когда из окрестных сел в город приносились иконы и устраивался крестный ход. «Главной достопримечательностью Котельнича» являлась Алексеевская ярмарка (проходила ежегодно с 1 по 20 марта), «самая бойкая и известная ярмарка в Вятской губернии» [2. С. 103, 131-132, 137-142, 151-152].

В глазах современников важной городской функцией являлось предоставление жителям возможности культурного досуга и творческого самовыражения. Именно отсутствие таких возможностей огорчало чиновника, попавшего в Оханск, «в эту трущобу», «и город же, с позволения сказать!».

В его глазах «знаменитое щедринское Пошехонье, пожалуй», казалось «столицей сравнительно с Оханском». Очевидец жаловался путешественнику А. И. Фирсову: «Я полгода тому назад приехал сюда, а до сих пор не могу даже немного освоиться со здешними нравами. Здесь не люди, а какие-то дикари. Вот кого не назовете вы культурными людьми. Умственных запросов никаких, литература для нас пустой звук; что творится на белом свете – это нас не касается. В сплетнях, картежной игре, питье водки и пива проходит все время. Летом публика хоть часто устраивает пикники, – конечно, с изрядным пьянством, а зимой усиленно заседает в портерных. Представьте себе, ведь в городе даже клуба нет. Нет, здесь не Европа, а какая-то Папуасия. Если меня скоро не переведут отсюда, то чувствую, что либо повешусь, либо сопыюсь» [4. С. 262].

Скромными культурными возможностями располагал и город Оса. Некто Антоныч в «Приложении к Вятским губернским ведомостям» (1901) писал: «В городе две церкви – собор и другая на кладбище. Есть женская прогимназия, клуб... Есть также пожарная каланча, но она во 1-х деревянная, а во 2-х до того ветха, что грозит каждую секунду рухнуть. Что в городе заслуживает внимания посетителей, так это сад, в котором находится собор. Единственное развлечение осинцев, как и всякого подобного города, – сплетня и картежная игра, сопровождаемая приличной выпивкой» [2. С. 81-82].

Другой современник на страницах газеты «Пермяк» спустя десятилетие писал о культурной жизни в городе Оса: «У нас существует О-во “Народный дом”, которое сперва устраивало лекции, спектакли и т. п., но потом заснуло, как говорится, “сном праведника”. И когда оно возвратится снова к жизни, – единому Богу известно. Между тем, в зимнее время в разумных развлечениях жители Осы, более чем когда-либо нуждаются» [1. С. 3].

В. А. Поссе, прожив неделю в Перми, познакомился с некоторыми культурными работниками и увидел «ростки многих истинно культурных начинаний» и «плодотворную творческую работу» в губернском городе, обусловленную в значительной степени появлением многочисленных общественных организаций. В. А. Поссе воспроизводил мнение знакомого пермяка: «Не надо ничем пренебрегать; каждым “собранием”, клубом, обществом можно воспользоваться для культурной работы, без которой не закрепить ни одного из завоеваний, сделанных великими порывами» [4. С. 245].

Д. Зеленин считал важным перечислить в своем путеводителе общественные организации в Перми: «отделение Императорского русского технического о-ва, отделение Уральского о-ва любителей естествознания с музеем, медицинское общество, музыкальный кружок, общество любителей изящных искусств и наук, о-во любителей драматического искусства, о-во публичной библиотеки имени Д. Д. Смышляева, о-во любителей охоты, велосипедистов, спасания на водах и др.» [2. С. 92]. На этот признак урбанизма как особой социальной организации (самореализацию горожанина через организованные группы, наличие множества добровольных организаций в городах, столь многочисленных, сколь много у людей потребностей и интересов) указывал теоретик урбанизма Луис Вирт [7].

В дальнейшем влияние города на воспроизводство социальных отношений и формирование человека нового типа стало важной частью урбанистического дискурса гуманитарных наук, что нашло отражение и в конкретно-исторических исследованиях, посвященных истории уральских городов. В

частности, речь идет о развитии в городах демократических идеалов и формировании сферы гражданской деятельности [10]. Неудивительно, что В. А. Поссе в своем очерке о пребывании в Перми пишет много о людях, называя, например, П. Н. Серебренникова и И. Г. Остроумова, отмечая их плодотворную просветительную деятельность во главе совета Научно-промышленного музея. Особенно выделяет В. А. Поссе П. Н. Серебренникова, утверждая, что его знал и любил весь Пермский край. Особой похвалы заслуживала его деятельность в Рождество-Богородицком попечительстве, при котором действовала народная столовая и женская церковно-приходская школа. Попечительство стремилось не только «сделать человека лучшим работником, но и работника сделать лучшим человеком», избрав девиз: «все, кто родились людьми, должны быть воспитаны во всем том, что человечески» [4. С. 244-249].

Рассмотренный материал позволяет заключить, что культурно-цивилизационный облик уральского города во второй половины XIX – начале XX в. претерпел значительные изменения. Современники наблюдали и охотно писали о новых социокультурных и экономических признаках городской жизни. В одних городах эти признаки были заметнее, в других дольше сохранялись сельские черты (особенно в городах сельского происхождения, подобно Оханску или Глазову). Административный статус помог таким городам, как Пермь (губернский город) и Екатеринбург («горнозаводская столица Урала») стать лидерами в региональном процессе урбанизации. Аккумулируя прогрессивные виды деятельности, города являлись создателями нового в сферах экономики, технологий, науки, образования и культуры, что привлекало современников.

Исторические источники свидетельствуют, что в рассматриваемый период уральские города заметно эволюционировали: возросла численность населения, успешно развивались промышленность и торговля, наука и искусство, города постепенно благоустраивались, предоставляя гостям и самим жителям материальные удобства и новейшие достижения городской цивилизации. Внедрение технических инноваций в повседневную жизнь горожан во второй половине XIX – начале XX вв. стало заметной чертой времени, обусловленной научно-техническим прогрессом. Показательно, что этот прогресс и признаки урбанистического образа жизни в сознании горожан во многом ассоциировались с европейским влиянием. Формирование нового городского образа жизни проявлялось в трансформации социальной организации городов, связанной с демократизацией культуры и генезисом гражданственности. Городская среда предоставляла горожанам широкие возможности для самореализации, город порождал новый тип личности – активного общественного деятеля, «культурного работника», гражданина. Город предоставлял жителям возможность выбора форм проведения своего досуга.

В культуре уральского города, особенно в конце XIX – начале XX в., наблюдались значительные изменения, обусловленные ростом городского населения, усилением социальной дифференциации и социокультурной гетерогенности, возрастанием (под влиянием научно-технического прогресса) значения собственно урбанистических признаков при симбиозе сельских и городских элементов, тесным переплетением элементов традиционной и современной культуры в повседневной жизни горожан, взаимодействием цивилизационных компонентов западного и восточного типов, обусловленных евразийским положением Уральского региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пермь. 1914. 9 янв. № 5.
2. Зеленев Д. Кама и Вятка: путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904.
3. Елпатьевский С. Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984.
4. По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX в. Пермь, 2011.
5. Анкаримова Е. Ю. Власть и общество в уральской провинции во второй половине XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2005. № 10-11.
6. Ахизер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995.
7. Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005.
8. Грамолин А. И., Коридоров Э. А. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург. История городской власти (1745–1919). Документально-публицистические очерки. Екатеринбург, 2003.
9. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4.
10. Казакова-Анкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2008.

11. *Ланно Г. М.* Российский город – симбиоз городского и сельского. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/analit06.php>
12. *Мазур Л. Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург, 2012.
13. *Савченкова В. М.* Концепции города и урбанизации в западной социологии: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.
14. *Шмаков А.* Письма из Лозанны. Литературоведческие очерки. Челябинск, 1980.

Поступила в редакцию 27.11.14

E.Yu. Kazakova-Apkarimova

**FROM “VILLAGE” TO “CITY”: URBANIZATION AND URBANISM IN THE REGIONAL DIMENSION
(THE URALS CASE OF THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURY)**

On the basis of regional material, the paper analyzes the essence and the content of the initial process of urbanization and the formation of Russian urbanism in the period of imperial industrialization, identifies urbanization features in the Urals and the formation of an urban lifestyle in cities of various administrative status and socio-economic and socio-cultural type in the second half of XIX – early XX c. A key approach in this study is anthropologically oriented approach. Sociological concepts of Western urbanists are used in this paper; their interpretation in historical research with the use of appropriate sources determines the scientific novelty of the paper. The investigation is largely devoted to the problem of perception of urbanism by contemporaries and the reflection of this problem in their written testimonies. The author shows the process of gradual transformation of the Urals “villages” to the “cities”, while stressing that even the most progressive urban settlements of the Urals were characterized by rural features at that time. As a result of industrialization and urbanization, especially in the late XIX – early XX century, there were significant changes in the culture of Ural cities due to increasing socio-cultural heterogeneity, growing importance of proper urban characteristics under symbiotic rural and urban elements, interaction of civilizational components of Western and Eastern styles which is due to Eurasian position of the Ural region.

Keywords: urbanism, the Urals, contemporaries, culture, innovations, social organization.

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Россия, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: apkarimova@mail.ru

Kazakova-Apkarimova E.Yu.
Doctor of History, Leading researcher
Institute of history and archaeology,
Ural branch of RAS
620990, Russia, Ekaterinburg, S. Kovalevskoy st., 16
E-mail: apkarimova@mail.ru